

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЛОКАНАХ¹

Николай Костомаров²

Из множества разнообразных наших сект, может быть, ни одна столько не заслуживает внимания внутренним смыслом своего вероучения, по приложению своих начал к жизни, как молоканская секта. К сожалению, она мало обследована и разъяснена до сих пор, и о ней в народе существуют сбивчивые и разноречивые понятия. Самые общеупотребительные названия этой секты неясны и двусмысленны. Приезжая в край, где живут этого рода сектанты, попробуйте расспрашивать о них у тех, кто сам к ним не принадлежит: один вам будет говорить одно, а другой иное; может случиться, что вам будут говорить и верно, но будут в то же время разумеать не то, что вы желаете узнать. Часто православные путаются в лабиринте различных оттенков сект наших, не в силах проложить между ними грани и приписывают одним то, что принадлежит совсем другим. Сами духовные, при всей учености и добросовестности, могут здесь ошибаться: привыкши к научной классификации признаков в истории прежних сект, они основываются на замечаемых ими у сектантов признаках и выводят заключения неверные потому, что признаки, сходные с существующими и существовавшими вероучениями, слагаются своеобразно в простом и незаключенном в формы грамотности уме русского поселянина и производят совсем другое, что нужно было ожидать. Иногда говорят о сектантах: «у них просто бессмыслица, ничего нельзя разобрать». Эти суждения добросовестны: лучше всего так отозваться, когда понять трудно. Своеобразный склад саморазвития нельзя мерить и объяснять тем путем, который годится для других условий жизни. Наши секты более всего могут служить оправданием той мысли, что жизнь нашу изучать нужно не иначе, как усвоивши вполне тот взгляд на нее, какой создан самим народом, и проследить путь, каким у него укладываются представления о предметах. Народ перерабатывает на свой лад и то, что даже некогда было заимствовано от чужих, если только это заимствованное не питается новым наплывом чуждых понятий. Это следует иметь в виду, при изучении наших сект; мало того, чтобы узнать догматы секты, иногда их узнать нет возможности, потому что их нет в народном сознании: они заменяются актом; нежизненные отправления и факты порождаются догматами, а существующие факты дают повод заключать о возможности догматов.

Общее имя молокан у нас применяется к двум сектам; имеют ли они в самом деле между собой органическое сродство — это еще вопрос спорный, по крайней мере, что касается до степени этого сродства. Одна из этих сект — субботники или иудействующие, другая — воскресники: последнее название совершенно внешнее, данное им в отличие от субботников на том основании, что они праздничным днем считают воскресенье, как первые субботу. Судьба, осудив меня когда-

то на долговременное пребывание в Саратовской губернии, дала мне возможность ознакомиться несколько с теми и другими. Я видал их и беседовал с ними не раз, в особенности в одной торговой и богатой приволжской местности, которая когда-то была столицей молокан, но в царствование императора Николая, благодаря правительственным мерам, сектанство там пришло в упадок, значительная часть молокан выселена была на Кавказ; братья их, оставшиеся на родине, сначала считали эти переселения наказанием, но, узнав, что переселенцы живут на новоселье хорошо, спокойно и открыто исповедуют свое вероучение, сами стали туда удаляться: некоторые же на месте прежнего жительства обратились в православие, чаще всего притворно, редко искренно, но, в последнем случае, примешавши к православным понятиям свои прежние воззрения.

Допроситься у молокан сущности их мнений было трудно, по крайней мере в оное время; как скоро вы начнете говорить с ними о вере, они отвечают отрывисто, а если и покажут признаки откровенности, то все-таки утаят главное. Случайные обстоятельства поставили меня в довольно счастливое положение в этом отношении. Познакомившись на дороге с одним старожилом, который хотя был православного вероисповедания, но близок по родственным связям с молоканами, я нашел в нем протекцию и через него мог познакомиться с молоканами.

Меня свели с одним субботником, по занятию рыбным торговцем. Это был, как я узнал, самый упорный и самый ученейший в своей братии. Его чрезвычайно худощавое лицо, изрытое теми бороздами, которые всегда свидетельствуют о страсти мышления, его впалые, но сверкающие огненные глаза, его вытянутая шея, губы, часто при разговоре подергиваемые судорогами нетерпения, и охота высказать зараз то, на что нужно время, наконец, манера при разговоре выделывать пальцами разные фигуры, часто встречаемая манера у русских резонеров — все показывало в нем с первого взгляда одного из тех фанатиков, которые заправляют ересями и толками, и которые попадались уже тогда все реже и реже. Он знал священное писание и особенно Ветхого Завета чуть не наизусть, изучал церковную историю и высыпал из памяти годы, как лучший ученик на экзамене из истории. Он с жаром восставал на храмы вообще и доказывал, что для Бога не должно строить храмов, ибо вселенная ему храм. Я заметил, что, рассуждая таким образом, он отдаляется и от ветхозаветности и приводил ему в опровержение на память храм, построенный Богу Соломоном, и многие места Ветхого Завета, где говорится о храме, как о предмете, угодном Божеству. Мой сектант отвечал, что места, где в священном писании говорится о храме, следует понимать в духовном смысле, а не в буквальном, что храм следует созидать Богу добрыми делами и молитвами, — что если Соломон построил храм в Иерусалиме, то Бог не благословил его; так Соломон после того впал в язычество: явный признак, толковал он, что благодать оставила Соломона, а это постигло его именно за построение телесного храма. Такое отвержение храма подало мне мысль, что, верно, и на всю священную ветхозаветную историю у него будет такой взгляд — иносказательное толкование, так бы следовало по сцеплению понятий, но он разубедил меня в этом, когда сказал, что следует исполнять Моисеев закон и приносить жертвы. «Евреи теперь не приносят жертв, ибо они в изгнании, а мы новый Израиль: нам надобно приносить жертвы». Он требовал особенно, чтоб исполнялась ветхозаветная пасха с закланием агнца. Талмуда он не принимал и называл сборником нелепых бредней. Важнейшими книгами священного писания он

считал Пророчества; в них, по его мнению, была вся мудрость. «Что же», спросил я, «важнее: Пятикнижие или Пророчества?» Он отвечал: «Пророчества». Я заметил ему: для чего же он требует так строго исполнение Моисеева обряда и даже принесение жертв, когда в Пророчествах есть места, где говорится о бесполезности жертв при известных условиях, как, например, у Исаяи: что мне множество жертв ваших? Он отвечал, что пророки давали духовный смысл обрядам и что, таким образом, ветхозаветные обряды следует исполнять, но не иначе, как давая им духовный смысл, разъясненный в Пророчествах. Относительно Нового Завета он сказал, что принимает его за священные книги, но все заключающееся в нем следует разуметь духовно, а не телесно, не буквально, и что, сверх того, в его повествовании не всё достоверно, иное впоследствии прибавлено. По толкованию его, последователи субботничества считают Иисуса Христа пророком, боговдохновенным мужем, подобно Исаяи и другим, признают его чудеса, но ни за что не соглашаются признать его, подобно нам, воплощённым Сыном Божиим. Троица отвергается: нет, по мнению их, доказательств троичности Божества, ни в Ветхом, ни в Новом Завете; Бог везде изображается единым; Иисус Христос пророк его, но Иисус Христос человек: его и апостолы называют ясно человеком; слово «Дух Святой» означает мудрость и благодать, ниспосылаемую человеку от Бога, а вовсе не божественную ипостась. Я спросил его: верует ли он в воскресенье Христово? Он отвечал утвердительно, но в этом ответе было что-то неискреннее, да и вообще о Новом Завете он говорил с какой-то холодностью, как будто старался избегать о нём разговора, тогда как приводя тексты из Ветхого Завета, воспламенялся и увлекался. Не думаю, чтобы он хотел от меня утаиться, ибо он позволял себе говорить о христианской религии в таких выражениях, которые мог допустить только при полном ко мне доверии. Кажется, его внутреннее сознание о христианском вопросе оставалось неясным и сбивчивым; и он сам боялся давать волю тому, что ему в голову приходило. Он соблюдал строго правило ничего не делать в субботу, был обрезан, обрезывал своих сыновей, удалялся от всяких яств, воспрещаемых Моисеем, отвергал всякое подобие святости, как унижительное для божества. Он ждал Мессии, но представлял себе его не так, как евреи; он, напротив, называл грубым заблуждением еврейское ожидание земного царства израилева и доказывал, что под ним нужно разуметь царство Нового Израиля, царство духовное, область разума и правды, а вовсе не какое-нибудь государство. Мессия представлялся ему в образе великого философа, нравоучителя, который распространит по всей земле ветхозаветную веру, Иисус Христос не был Мессия; он был только один из пророков⁷; Мессия будет сильнее всех пророков, откроет величайшие истины миру и приведет род человеческий к блаженному состоянию. Влиянию добрых и злых духов на человека он не придавал значения, хотя не отвергал совершенно их существования.

В нем не проглядывало никакой ненависти к тем, которые не следуют его вероучению, напротив, он с жаром говорил, что надобно делать добро всем людям без различия вер и что во всякой вере можно угодить Богу добрыми делами, притом же Бог бесконечно благ и прощает даже величайших грешников. Допуская, что Бог, по своей благодати, в будущей жизни простит всех иноверцев, он признавал, что Бог наказывает за неправую веру здесь на земле и уверял, что если случаются общественные бедствия, засуха, моровые поветрия, болезни, то все это постигает людей за то, что они не хотят следовать истинной ветхозаветной вере, а когда на всей земле распространится эта вера, тогда все будет хорошо — и на земле водворится блаженство. Таким образом, он представлял себе Божество чрезвычайно милосердным и снисходительным к нам в будущей нашей жизни и чрезвычайно

строгим в земной, а последователям своего толка сулил не столько небесные, сколько земные блага.

Происхождение своего учения па Руси он приписывал еврею Схарию в Новгороде; но слова его не давали повода решить: есть ли это давнее предание, переходящее из уст в уста, или же, может быть, такое мнение возникло уже в последнее время: т. е. по знакомству с историей по книгам начали замечать сходство между субботниками и последователями Схария в вере и заключили, по вероятности, что секта первых идет преемственно от последнего.

Другая секта, носящая прозвище молоканской — воскресенская, яснее предыдущей. Случилось мне говорить и беседовать со многими из её последователей: трудно было бы забыть двух лиц между ними, которым я преимущественно обязан сведениями о вероучении молоканском. Я сошелся с одним почтенным человеком, некогда молоканом, но давно уже принявшим православную веру. Местный протоиерей считал его ревностнейшим и добродетельнейшим между всеми своими прихожанами. А между тем было время, когда он считался самым ученым и самым опасным лжеучителем между воскресниками, и в самом деле не один десяток жертв соврращён им с пути православной истины. О нем носился слух, что в былые времена его интеллектуальной силе никто не мог противостать; нужно только, чтоб он поговорил с человеком час другой — и если собеседник не до того упрям, чтоб оставаться глухим, вопреки собственному сознанию, то лжеучитель наверно обратит его. У него была сила слова, сопровождаемая каким-то обаянием, располагавшим слушателя заранее в его пользу. Он знал множество текстов св. писания, умел чрезвычайно искусно и остроумно применять их, задавал противнику неразрешимые вопросы и ставил его втупик, выводил из мнений своего соперника противоречия и бессмыслицу и, пророчески на него поглядывая, приводил в смущение, а если нападал на более крепкого и смышлёного, то ловко изворачивался в куче сравнений, примеров, сопоставлений, противоположений; искусно съезжал, так сказать, с торной дороги на проселок, переходил к другому, третьему, четвёртому предмету; пусть бы даже он в сущности не мог опровергнуть соперника, всё-таки совсем сбивал его и величался победой. Цветущее время его софистической деятельности было ещё в двадцатых годах, при Александре Павловиче; то были времена золотые для молокан, времена свободы; если не *de jure*, то *de facto* пользовались они ей и соврращали православный люд в свою ересь. Тогда еще и правительство обращало мало внимания на поволжский край; рука нивелирующей бюрократии не глубоко еще провела на нём свою борозду; тогда, по сказаниям стариков (разумеется, украшающих, как всегда бывает со стариками, старые времена лишними цветами), жилось привольно, богато, весело; грозные высшие власти из столицы появлялись очень редко, свои же местные были сговорчивы, дорожили какой-нибудь внимательностью сектантов и, в свою очередь, давали им простор: тогда-то была роскошь для умственной удали, любившей выказать себя в препирательствах о богословских и церковных предметах. Молокане до того уверовали в свою свободу, что подавали на высочайшее имя просьбу, где ходатайствовали о позволении исповедовать открыто и законно свое учение наравне с иностранными протестантами, и представили изложение своего учения, которое, к сожалению, гораздо темнее их словесных проповедей. Но потом другие пришли времена, год от году более и более стеснительные меры лишали молокан возможности проживать, как хочется; их торговые предприятия парализовались запрещением вступать в гильдии и отлучаться далее тридцати верст от места рождения; запрещено им

держат православных в услужении. Полицейские власти беспрестанно придирались к ним, стали их с семействами требовать в консисторию на увещания; избиралось для этого нарочно лучшее рабочее время, когда в их отсутствие пропадал у них на полях хлеб; иногда же по поводу совращения правоверных в свою секту их сажали в острог, держали по несколько лет, и действительно виновных в этом преступлении подвергали торговой казни и ссылке. Эти обстоятельства лишали их прежней зажиточности, прекратили возможность собраний и споров; а с тем вместе охладилось у многих рвение к распространению своего толка. Наш герой в пору избежал участи, которая была бы для него очень тяжелой; недаром существует пословица: «большому кораблю большое и плавание»; как совратитель многих, он и поплатился бы много; видя неминуемую беду, он присоединился к православной церкви, остался цел, невредим и ускользнул от судьбы товарищей, таких же, как он, проповедников. О последних остались горькие воспоминания у молокан. Один из них, Исаев, был проповедник рьяный и упорный; честные иереи напрасно старались его обратить словом кротости на путь истины; Исаев так наострился в диалектике, что самих иереев сбивал и спутывал; после нескольких исправительных наказаний с оставлением на месте жительства и с подпиской не совращать никого из православия в свою секту, он, наконец, был предан уголовному суду, и приговорённый к наказанию кнутом, умер под ударами сего орудия, а удары ему расточались особенно щедро, потому что закоренелый раскольник не показывал ни малейшей охоты раскаяться в своих злодеяниях. Тогда иереи говорили, что бес взял душу у засеченного Исаева и вложил ее в живое тело какого-то Трофима, который, очутившись таким образом с двумя душами, со своей собственной и с вложенной бесом Исаевой, стал проповедовать еще сильнее, чем умерший на эшафоте Исаев. Трофимова проповедь также скоро умолкла под кнутом и клеймом. Множество молокан было тогда сослано на Кавказ. Тут принял православие мой приятель. Он уверял меня, что сделал это не по страху, а по убеждению, и приписывал это чтению отцов церкви, особенно Иоанна Златоуста. Теперь он обвинял своих прежних единоверцев за то, что, погрузившись в одно священное писание, они вовсе не заглядывают в сочинения отцов церкви, а если бы они их читали, то увидели бы, что святая церковь вовсе не так судит, как они себе воображают и как дает им право заключать способ верования простого народа, который, не понимая сущности веры, превращает её в идолопоклонство. У этого бывшего лжеучителя теперь уже возникла ревность церковная: он стал обращать к православию своих прежних единоверцев, и чтобы им доказать, что обряд крещения действительно имеет свое основание в самом святом писании, выписал множество мест из Ветхого и Нового Завета, где только упоминается о воде, хотя, правду сказать, многие места приводятся совсем некстати. Несмотря на эту ревность к православию, в его воззрении до сих пор пробивается тот взгляд, который служит основой раскольническому учению, и он часто говорит такие речи, которых бы не сказал другой православный, никогда не отведавший раскола, хотя в сущности этих речей нельзя назвать и неправославными. Таким образом, он хотя соблюдает пост, но не строг к другим, когда другие его не соблюдают, и по этому поводу приводит слова апостола Павла: «неядый ядушего да не укоряет». Доказывая правильность почитания св. икон, он, однако, говорит, что собственно от мертвой доски нельзя ожидать спасения; нас спасает молитва к Богу, а молиться Богу можно везде, и там даже, где нет икон; напротив, держание икон в доме и машинальное лепетание молитвенных слов, без сердечного участия, бесполезно. Вообще, он в своих разговорах старается опереться на то, что хотя обряды вовсе непротивны духу христианства и необходимы для богослужения, однако и не составляют существенной части веры. Он показывал желание, чтобы все молокане, подобно ему, приняли

православие, но в то же время находил извинение их упорству в том, что действительно православные пастыри мало заботятся о вразумлении своей паствы, и миряне, оставаясь в неведении относительно внутреннего смысла обрядов и уставов, предписываемых церковью, впадают в заблуждения, приличные только идолопоклонникам. Против них-то собственно восстали молокане, но сами пошли через край. Между православием и молоканством, по его мнению, примирение возможно: пусть при исполнении обрядов православный народ имеет в виду не одну форму, а внутренний смысл, пусть с своей стороны молокане сознают, что для внутреннего смысла необходима форма и что, следовательно, форма не может быть противна Богу, как они ложно себе вообразили.

Другая личность, особенно показавшая себя в ряду многих молокан, с которыми я имел возможность говорить, был упрямый сектант и страдал за свое упрямство. По поводу подозрения в сочинении просьбы лицам, причисленным к православию и желавшим воротиться в молоканство, его засадили в острог, где он томился несколько лет и был освобожден по недостатку доказательств. Замечательно, что этого человека упрятал в острог один из таких чиновников, от которых, судя по их собственным речам, меньше всего этого можно было ожидать, один из тех, которые в оное время, при всяком случае, хвастали либерализмом и гуманностью, у которых на языке вечно были слова: прогресс, законность, справедливость. Само собой разумеется, что этим пышным словам противоречил обычай держать людей в остроге несколько лет за то собственно, что они только просят, когда по закону даже самое явное принятие сектантского учения наказывалось тем, что уклонившегося приводили к увещанию, а если увещание не действует, то оставляли на месте жительства с подпиской не сворачивать других. Я познакомился с этим молоканом уже по выпуске его из острога; это была личность чрезвычайно здравого природного ума. Он с жаром опровергал обвинения, которые обыкновенно в изобилии сыпали на молоканскую секту в непризнании властей. Несколько начитавшись того-другого, он сознавал необходимость учения, просвещения, сокрушался о том, что его единоверцы лишены средства учиться и чрез то принуждены довольствоваться чтением одного св. Писания. Его занимала современная литература и современные вопросы в русской печати. Это была, одним словом, личность, возбуждавшая разом и уважение, и грусть: много таких способных погибает втуне под гнетом тяжелых обстоятельств.

Не стану распространяться о других личностях, с которыми я беседовал. Это было бы лишнее; гораздо интереснее изложить то, что я от них слышал.

Молокане-воскресники называют себя духовными христианами. Впрочем, название молокан не чуждо им, только на счет происхождения этого слова у них мнения разделяются: одни говорят, что это имя дано им православными, потому что они не соблюдают поста и едят всегда молоко; другие, напротив, утверждают, что название это выдуманно самими последователями секты, основываясь на словах апостола Павла, употребившего выражение словесное молоко, и также на другом выражении того же апостола, сравнивающего первоначальную передачу христовых истин с кормлением молоком, в противоположность твердой пище, приличной зрелому возрасту, с которым сравнивается дальнейшее воспитание. Таким образом, с одной стороны слово «молокане» знаменует главный их принцип, состоящий в предпочтении духовных средств

материальным знакам, и в числе этих средств принимающий силу слова, сравниваемого с млеком, с другой — предполагаемую ими самими простоту их учения, которое, по их понятию, есть фундамент христианской жизни и нравственности, ибо они основываются на священном Писании, которое то же для христианина, что млеко для дитяти. Название «духовные христиане» всеупотребительное; у них самих слово духовные, по их толкованию, значит то, что они принимают, во-первых, духовную благодать, а во-вторых, признают поклонение Богу духом и истиной, а не формой. Что касается до первого, то их понятия разнятся от наших тем, что, по их мнению, действие благодати сообщается не посредством таинств и видимых знаков, а непосредственно; второе у них основывается на известном изречении Христа жене Самарянке. На этом-то тексте основывают они отвержение храмов и всех признаков установленного богослужения. Христос сказал жене Самарянке, что в его время иудеи поклоняются в храме иерусалимском, а самаряне у колодца иаковля; но придет время, когда истинные поклонники будут на всяком месте поклоняться Богу духом и истиной. Из этого, по их мнению, выходит, что храмов в новой церкви не должно быть. Апостол Павел всех называет священниками и, следовательно, особых священников не нужно. Под словом «епископ», упоминаемым у Павла, объясняют они, надобно понимать избранного обществом начальника, а не особенно посвященного совершителя обрядов. Христос избрал апостолов не из левитов, не из священников и не посвящал их в священники, следовательно, священник ничуть не ближе к Богу, чем не принимавший посвящения в духовный сан. Христос не заповедовал особенного богослужения, которого бы не могли совершать другие, кроме апостолов, и вообще Христос не делал различия между апостолами и другими, которые в него истинно веровали. У Христа все его последователи равны и он сам сказал, «что все братья, и кто хочет быть первым, пусть слугой всем будет». Этим уничтожается различие степеней в церкви христовой, и не следует одним оказывать чести более других; все мы священники. Церковь — новый Израиль; церковь, по молоканскому понятию, не должна отделяться от гражданского общества; напротив, гражданское общество и есть собственно церковь, и будучи церковью Христа, гражданское общество должно быть устроено на евангельских началах, на любви и равенстве своих членов. Толкуя в свою пользу слова Павла: где дух Господень, там свобода, они применяют то, что у Павла говорится о еврейской обрядности и соединенном с ней законе, ко всяким постановлениям и формам. Вообще: «буква мертва, а дух животворит» — обычное изречение молокан. Отвергая храмы и священство, отвергают они и все таинства, даже и крещение и причащение, которых не осмелились коснуться лютеране. Казалось бы, и трудно отвергать то, что основано на ясных словах Христа, когда множество свидетельств подтверждают существование этих таинств в первых веках христианства. Но молокане объясняют эти таинства так: крещение, говорят они, только видимый образ невидимого; оно было нужно только до тех пор, пока невидимая мысль не будет постигнута. Сам Иоанн Креститель сказал: я крещу вас водой, а посреди вас стоит тот, который сильнее меня; он вас крестит духом святым и огнём. Вот уже здесь Иоанн указывает, что есть крещение выше, при котором крещение водой дело лишнее. Мы знаем, что Корнилий сотник получил дар Духа Святого прежде, чем крестился водой, следовательно, крестился духом и без воды. Не видно, чтобы апостолы были крещены водой, а если апостолы не были крещены водой и сделались провозвестниками и основателями христианской веры, то не есть ли это доказательство, что крещение водой для нас не необходимость? Если Христос крестился водой, то это потому, что он хотел исполнить видимый еврейский закон и всё, что до него было установлено. Он ведь и обрезался, но нам не заповедовал обрезываться. Христос повелел апостолам крестить все языки во имя Отца и Сына и

Святого Духа, но вслед за этим повелением в Евангелии следует объяснение, как должно крестить; это объяснение в словах: *учаще их блюсти елико заповедах вам*. Следовательно, крещение, которое заповедует Христос, есть учение по христову евангелию. Слово «крещение» часто употребляется в таком смысле, когда очевидно для всякого, что под ним не разумеется водное крещение: например, Христос, говоря о собственной смерти, называет её крещением. О самом Иоанне в Евангелии поясняется, как он крестился и для чего: бе Иоанн крести крещением в покаяние. Следовательно (говорят молокане), сущность самого Иоаннова крещения, если оно и отправлялось под видом омовения, была не омовение, а покаяние. У апостола Павла есть места, где крещение прямо принимается в духовном смысле: едина вера, едино крещение. Молокане находят не только в Новом, но в Ветхом Завете места, где говорится о воде, и вода употребляется в иносказательном смысле — например: у Исаи говорится, что потекут воды из Галилеи; здесь пророк предсказывает учение Христово, которое явится в Галилее и просветит весь мир. Христос говорит, что кто верует в него, у того от чрева потекут реки воды живы: здесь, конечно, вода в иносказательном значении. Крещение водное есть только обрядовое представление мысли об обновлении и очищении человека, посредством Христова учения. Само по себе крещение водой не может быть действительно; оно не может спасать, не может предохранить от злых дел, ни отвратить от крестившегося кары божьей за его дурные поступки. Иначе между крещёнными не было бы нарушителей божьих заповедей. Притом же, где спрашивают молокане, дары Святого Духа, получаемые, как говорят, при крещении? Человек, крестившись во младенчестве, остается совершенно невеждой в деле познания заповедей божьих, может жить по-язычески и, следовательно, не имеет права считаться христианином? Напротив, если бы кто и не был крещён водой, но познал Христа и исполнял бы все Христовы заповеди, неужели бы он был осужден на вечное мучение за то единственно, что не совершил обряд омовения, который сам собой не мог его ни научить истинно, ни спасти от греха? Христос не сказал: *Если кто не крестится водой, не войдет в царствие небесное*, но сказал: *водой и духом...* Не ясно ли, что водное крещение недостаточно? В этом месте воду следует принимать в иносказательном смысле: креститься водой и духом, значит очиститься, — как бы водой омыться от грехов тела и начать жить духом. Что в словах о крещении водой следует давать воде иносказательное значение подтверждает и крещение огнем, о котором говорит Евангелие; конечно, нельзя огонь здесь принимать в буквальном смысле; иначе надобно бы было всем нам сжечься. Креститься огнем — значит истребить в себе все дурные склонности для обновления духом. И в самом деле, если требовать непременно крещения водой, тогда не нужно прощать тех изуверов, которые сожигались, воображая, что исполняют Христову заповедь, поняв ее буквально? Одним словом, крещение водой — это буква, выражающая мысль. Нужны ли буквы, когда уже мысль сама по себе понятна? Конечно, нет. Вот что притом говорят молокане: вы написали что-нибудь на записке для памяти, а потом выучили наизусть, и знаете твердо то, что было написано в записке; имеет ли тогда записка для вас какое-нибудь значение? Так точно, если в первые века, когда христианство распространялось между язычниками, быть может, обряд крещения был полезен, потому что напоминал крестившемуся, что он принадлежит к Христовой общине, и отличал его от нехристиан видимым образом. Но в обществе христиан, которое от прародителей считает себя верующим Христу, какое значение он может иметь? «Наука нужна, а не вода», говорят они — наука и мысль учения. Подобным образом толкуют они и о причащении, и признают только духовный смысл этого таинства, отвергая необходимость самого обряда. Когда им, в опровержение их взгляда, указываешь на

историческое событие Тайной Вечери, они указывают на объяснение самого Христа, именно на место у Иоанна, где Спаситель говорил о ядении его плоти и питии его крови. Притча эта возбудила соблазн в христовых слушателях. Спаситель обратился к ученикам и спросил: как вам кажется? Жестоко слово сие, отвечали ему. «Не-ужели и вы соблазняетесь! — сказал им Спаситель; — Дух животворит, а плоть ничего не пользует. Слово мое есть дух и жизнь». Из этого места молокане выводят, что под образом Тайной Вечери следует понимать тесное соединение со Христом посредством усвоения его учения. Мы до того должны сближаться со Христом, чтобы могли составить с ним как бы одно существо, как бы одну плоть и кровь. Молокане в подтверждение своих понятий говорят, что, подобно обряду крещения, и обряд причащения сам по себе недействителен: многие хотя и причащаются, а от этого не становятся лучше и не перестают грешить; напротив, надобно причаститься тела и крови христовой духовно, т. е. мыслить, чувствовать и поступать так, как Христос повелевает и каким Он явил себя в жизни; тогда-то человек действительно составляет со Христом единую плоть, тогда уж он не может и желать греха. Другие таинства молокане также объясняют иносказательно: так о елеосвящении они толкуют, что сам апостол Иаков, на которого ссылаются для оправдания обряда, указывая на помазание больных елеем, говорит, что спасёт болящего молитва, следовательно, здесь помазание есть иносказательный образ выражения, а не сущность. Против таинства покаяния они говорят таким образом: если кто не покается священнику, а грешить перестанет, разве тот не будет угоднее Богу, чем тот, кто десять раз кается и каждый раз возвращается к прежним грехам? Кто грешил да перестал грешить — тот уже тем самым покаялся: когда перестал — значит сознал, что грех дурен; и за это сознание и исправление Бог прощает его, хотя бы он и не поверял своей тайны священнику. Напротив, многие, воображая, что сообщение священнику грехов своих достаточно может очистить и спасти человека, успокаиваются совестью, не думают искоренить в себе дурных наклонностей, опять впадают в прежние пороки и, предаваясь им, льстят себя надеждой, что загладить их перед Богом легко: стоит только по установленному обряду покаяться священнику. С другой стороны, как может прощать и разрешать священник, когда он сам, как часто мы видим, предаётся еще худшим порокам? О таинстве брака они говорят: разве худое житьё мужа с женой освящается тем, что они обвенчаны? Если мужчина и женщина скажут: будем вместе жить, и станут жить согласно, честно, — разве такое житьё не богоугоднее, чем житьё тех, которые обвенчаны в церкви и потом ссорятся, не доверяют друг другу и обманывают друг друга? Любовь и согласие — вот в чём брак, а не в обряде. Бог сотворил человека — сотворил его в образе мужчины и женщины, и установил им закон, чтобы мужчина искал соединения с женщиной и женщина с мужчиной; как скоро мужчина с женщиной сошлись по взаимной склонности — это значит, что Бог их благословляет, и они должны любить друг друга, жить вместе дружно, согласно и не расходиться; а если не станет между ними любви и согласия, то лучше им разойтись: это, однако, нехорошо; но не то нехорошо, что они расходятся, а то, что между ними любви не стало. Брак у молокан без всяких обрядов: молодой человек делает предложение девице, получает её согласие, тогда испрашивает благословение родителей; сходятся, по условию, в доме жениховых или невестиных родителей; приглашаются свидетели, новобрачные получают взаимное благословение от родителей жениха и невесты, и брак совершён. Свадебных церемоний нет вовсе.

Охота отыскивать везде иносказательный смысл у молокан не ограничивается одним кругом обрядов. Она переходит и на

историческую часть священного писания. Таким образом, для молоканина все равно: действительно ли Христос родился от Девы, творил чудеса, страдал и воскрес из мёртвых — или всё это назидательный вымысел; следствие для нашего нравственного преуспевания, по их толкованиям, одно и то же; ибо цель христианского учения есть человеческое совершенство, достигаемое в любви к Богу и к ближнему. Христианство, во всяком случае, есть высшее божественное откровение, но каким бы путем оно ни явилось в человеке — все едино; был ли Христос на земле в самом деле, или, по Божию промыслу, книга Евангелие была написана для назидания — и в том и в другом случае человек равным образом может пользоваться ей для своего спасения; следовательно, если бы кто-нибудь сомневался в исторической действительности всего, что представляется в Евангелии происходившим, и понимал бы всё иносказательно, тот ещё не грешит против духа христианства. Но собственно молокане не отвергают исторической части священного писания; они только хотят объяснить, что поставляют сущность не в букве, а в смысле; они, однако, допускают, что всё написанное в Евангелии действительно случилось, но так случилось, что всему придан свыше внутренний, нравственный смысл. Священное писание для нас источник нравственного совершенства; последнее достигается тогда, когда человек усваивает божественное учение, заключающееся в священном писании, и соображает с ним свои поступки в течение своей жизни, а не тогда, когда верует в то, что описывается случившимся. Действительно ли так случилось — это, по их понятию, вопрос исторический, а не религиозный. Всё равно, научается ли человек из рассказа исторического, или из вымышленной повести. Ведь в самом Евангелии есть притчи они выдаются за притчи или вымысел, а не за действительно происходившие события. Следовательно, воля божья может и в форме притчи или вымысла учить нас пути к спасению, а поэтом и нет необходимости, что рассказываемое в Евангелии точно так происходило, как рассказывается; довольно, если в нём сохранена будет внутренняя правда, а затем, если б оно всё было притчею, то ничего оттого не теряет. Точно так же если бы события, описываемые в Евангелии, хотя и происходили на самом деле, но не совсем так, как мы читаем, и по давности времени дошли до нас в несколько измененном виде, Евангелие от этого не теряет своего духовного смысла. Такого рода толкования не имеют границ, и молоканин подвергает им по своему произволу всё — и обряд, и историю, и догмат. Но оттого-то и наступает для его толкований поворот. Давши чересчур широкий размер иносказанию, распространяя его на такие стороны, которые, очевидно, по здравом обсуждении должны быть изъяты от понимания в смысле иносказательном, молокане тем самым теряют различие между тем, что можно и чего нельзя допустить, в качестве буквы внутреннего смысла; и потому они не могут сделаться такими фанатическими врагами известной обрядности, как протестанты Запада; обрядность у них то же, что буква. Является неизбежно вопрос: следует ли допускать какую-нибудь букву для выражения духовного или нет? Отвергать всякую букву невозможно; если допустить букву св. Писания и искать в ней внутреннего смысла, то почему же не допустить и обрядов, коль скоро они служат буквою признаваемого смысла? — Так обыкновенно и оправдывают свое возвращение к православию некоторые, обратившиеся из молоканства. Так обращенный в православие бывший молоканский учитель говорил о своих прежних единоверцах: судят они о крещении верно и смысл дают правильный, да отвергать его не следует; совершенно справедливо, что христианину недостаточно называться христианином, а необходимо проникнуться учением христовым и поступать по его заповедям; да разве из этого следует, что не нужно видимого обряда водного крещения? Вы вооружаетесь против буквы, возражает он им; но разве вы можете обойтись без буквы? Вы же

молитесь и читаете св. Писание? Разве это не буква? Человек не может обойтись без телесного выражения: он на то сам с телом; вот если б он был бесплотный, тогда для него не нужно было бы ни буквы, ни обряда. — Притом же молокане не так, как западные протестанты, думают о соборах, преданиях и учении св. отцов. Они не отвергают их вовсе, не полагают таких границ между Новым Заветом и учением последующих веков, какие видят протестанты. Они и в явлениях последнего рода, точно как в св. Писании, ищут духовного смысла, внутреннего значения. Если вы прочтаете молоканам житие святых, они не будут подвергать их критике и доискиваться отрицания их историчности, как делают, например, лютеране; для них эта историчность дело постороннее и не есть предмет религии: если, по их мнению, окажется, что все читаемое им житие заключает в себе вымысел, но вместе с тем они найдут в нем что-нибудь и такое, что, по их же мнению, содержит в себе нравственный смысл, то скажут, что это житие достойно уважения. Они не отвергают почитания Божией Матери и святых, но восстают против обрядового поклонения им.

Я слышал, как остроумно молоканин укорял по этому поводу немцев протестантов. — «Не верует, говорит он, чудесам святых, а христовым и апостольским верует! Разве после Христа и апостолов не существует та же Божия сила, что при них была? Да не Христос ли сказал, что тот, кто верует в Него, сотворит и больше Его? Вот это и относится к святым Его». — «А вы верите?» спросили его. — «Мы всему веруем духовно», отвечал он.

С такими взглядами на дело веры попятно, что молокане не сходились и не могли сойтись с протестантами. Были случаи, когда видимое сходство побуждало молокан отправиться к пасторам, живущим в поволжских колониях, но пасторы, испытавши их, сознавались, что между их сектою и западным протестантизмом мало общего: западное протестантство — плод просвещения, а молоканство — плод невежественного умничанья. Так говорили немецкие пастыри. Их соблазняло то, что молокане в некоторых взглядах шагнули далее протестантов, в других они стоят ближе и примирительнее к древнему церковному авторитету. Один молоканин отправился было к гернгутерам в Сарепту, стал излагать тамошнему пастору свое учение, спрашивал: «Не похоже ли оно на гернгутерское?» — «Ты мужик», отвечал ему благоразумный пастор. «Не твое дело рассуждать о вере; в какой вере ты родился, той и держись; как тебе царь приказывает верить, так и верь». Сохраняя всю важность иносказательного толкования всего священного писания, некоторые молокане стали было задумываться над таинством причащения. Как ни старались они давать аллегорическое значение плоти и крови Христа Спасителя, рассказ о Тайной Вечери, сопровождаемый прямыми простыми словами Спасителя, стал против них укором. Возник в самом молоканстве толк, допускавший видимое образное воспоминание Тайной Вечери в день, посвященный смерти Спасителя Христа. Стали сходиться в избу; один из молокан приносил за пазухой штоф красного вина и хлеб, ставили штоф и клали хлеб на стол, читали Евангелие, после того ели хлеб и пили вино, все вместе, один за другим и, в заключение, целовались между собой в знак любви. Но этот обычай, очевидно возникший в подражание древним христианским вечерам любви, отнюдь не вошел в повсеместное употребление; напротив, большинство молокан восстали против него с жаром, называли его идолопоклонством, извращением истинной веры. Молокане не восстают против поста, напротив, воздержание от пищи и питья считается делом очень полезным для воздержания от страстей. Но они не хотят признавать для поста ни определенных времен в году,

ни перебора такой или иной пищи. Каждому нужно, необходимо поститься, но тогда, когда к этому есть побуждение и нужда, и пост должен состоять в совершенном неядении по несколько дней, или же таком малом ядении, чтобы человек не умер голода. Так полезно проводить несколько дней, но отнюдь не следует хвастать этим, — сообразно евангельской заповеди поститься втайне, умыв лицо и помазав голову перед людьми. Богу приятен только такой пост. Сверх того, полезно и нравственно всегда хранить воздержание. Молокане избегают свинины и говорят, что Моисей справедливо не велел есть этого мяса, будто бы возбуждающего пожелания и вообще нездорового. Избегают они также луку и чесноку и называют их плодами содомских виноградов, от которых Моисей во Второзаконии запрещает вкушать. Но более всего молокане избегают вина. Всякое питье вина считается у них предосудительным, потому что вино отягчает рассудок и приводит человека в неестественное состояние. Курение табаку хотя и не преследуется как у староверов, но не одобряется, на том основании, что табак производит одурение. Молокане не одобряют всякой роскоши и изысканности в пище и одежде и вообще в образе жизни. Они насчёт этого составили себе такое понятие: если мы будем жить очень роскошно и употреблять на себя большие богатства, то тем самым будем способствовать распространению нищеты между своими ближними. Все лишнее, что мы позволяем себе, отнимает у других наших братии необходимое. Страсть к роскоши делает нас нечувствительными к нуждам других. Кому составляют необходимость вкусные и дорогие кушанья, редкие вина, богатые одежды и украшения, кому много нужно, тот, естественно, не поможет ближнему в нужде и отговариваясь тем, что не имеет на то средств: в самом же деле, если бы он отстал от роскошных привычек и не признавал необходимым для себя того, что для него излишне, то увидал бы, что средств у него слишком достаточно для того, чтобы своих ближних избавить от крайних лишений. Пока люди жили просто, довольствовались немногим, не гонялись за модой, не говорили, что без того и без другого им обойтись невозможно, до тех пор и нищеты не было. Хорошо, говорят они, быть богатым, но пусть богатство идет на общую пользу наших братии, а не на прихоти богача; пусть богач в том себе поставит величайшее удовольствие и благополучие, что может быть полезен более других своему обществу, а для этого нужно, чтобы богач вел простую жизнь и не пристращался к роскоши. Молокане порицают карточную игру, и вообще всякую игру, имеющую целью приобретение. Они говорят: и время по-напрасну теряется, и человек к алчности привыкает, и вражда появляется между людьми: один у другого норовит отнять чужое и свою пользу. Нет ничего вреднее игры; что пьянство, что игра — путь ко всем порокам и к противности евангельскому житию; а потому надобно равным образом и того и другого избегать. Самые забавы молодости — песни, пляски, хороводы — если не запрещаются, то избегаются ревностными молоканами и считаются праздным препровождением времени: время без того гораздо лучше употребить на плодотворные и душеспасительные занятия. Таким образом, в воскресный день можно видеть молоканскую молодежь, распевальную псалмы вместо песен. Труд, по их понятиям, нужен человеку, как хлеб и воздух; он не только даст средства к жизни, но предотвращает от развращения и пороков, поэтому на труд молокане смотрят как на религиозную обязанность.

Иносказательный взгляд на дело веры переносится молоканами и на гражданские отношения. Таким образом они составили себе особое воззрение на власти и закон. Как в деле религии не обрядность, не форма составляют сущность, а духовный внутренний смысл, так и во

всяком гражданском механизме — во власти, в законодательстве, в управлении, духовный христианин ищет того же внутреннего духовного значения и впадает в противоречие с формальностью. Нельзя, по его толкованию, быть христианином, соблюдая одни внешние обряды; нельзя быть хорошим гражданином, соблюдая только форму закона. Любимое выражение целой секты: буква мертвит, дух животворит — применяется у неё и к гражданскому механизму. Не тот хороший гражданин, который не крадет потому, что боится кары, постановленной за воровство, а тот, в ком так сильна любовь к ближнему, что он не станет похищать чужой собственности и тогда, когда бы даже закон это предписывал. Есть закон высший, единый истинный закон, которому следует повиноваться, закон, написанный Богом на плотяной скрижали нашего сердца, тот закон познается и усваивается через постоянное размышление и через неуклонное исполнение дел любви, указываемых божественным откровением. Вот этим-то внутренним законом надлежит руководствоваться, а не буквою. Закон буквальный не достигает своей цели. Разве сами суды, по человеческой склонности к заблуждениям, не оправдывают виновного, не обвиняют невинного, не определяют наказания выше меры? И разве судьи не решают дел пристрастно и продажно? Да и самые справедливые, самые бескорыстные и неподкупные судьи часто не в силах составить вполне справедливого приговора над виновным, ибо недостаточно одного поступка: нужно еще ценить побуждение, а побуждения наши знает вполне один Бог; не только чужие — мы сами иногда не в состоянии их оценить. Самый человеческий закон подвержен временному изменению: что в одно время и под одним правительством почитается преступлением, то в другое время, под другим правительством, признается добродетелью. «Часто у нас, говорят молокане, закон предписывает то, что противно добродетели, и запрещает то, чего требует любовь к ближнему, и во многих случаях мешают делать своим ближним добро». С таким взглядом, естественно, молокане впадают в противоречия с требованиями существующих законных постановлений и общественных условий порядка. От искания под буквой закона внутреннего смысла, от предпочтения истинной добродетели условным правилам молокане доходят до пренебрежения к положительному закону: власть, как источник закона и понуждение к исполнению его, в уме молокан подвергается сомнениям и толкованиям. Часто говорят, будто молокане вовсе отвергают власть: это сделалось всеобщим мнением о них. Молокане об этом предмете говорят так: мы не отвергаем власти, мы считаем, что следует ей повиноваться, исполняя изречение св. писания, повелевающего устами апостола Павла покоряться предержащим властям. Как же можем мы дойти до такого безумия, когда перед нашими глазами прямая, несомненная заповедь апостольская? Надобно, говорят они, признавать власти, какие бы они ни были, как скоро они существуют; но мы думаем, что нельзя и не следует признавать превосходным все то, что исходит из власти, если собственный наш рассудок не убеждает нас в превосходстве этого. Равным образом нельзя и не должно исполнять повелеваемое властью, если то, чего власть требует, противно нравственным требованиям совести и правды. Так они указывают на пример первых христиан, которых римские императоры принуждали поклоняться идолам. Императоры были облечены законною властью, однако христиане не исполняли их повелений, когда эти повеления были против их убеждения. Так же точно и три отрока, брошенные в печь халдейскую, не послушались повеления царева, противного их собственному закону. Христос хотя и повелевает воздавать кесарево кесареви, но не иначе, как воздавая божие Богу; поэтому ясно, что если сам кесарь потребует чего-нибудь такого, что воспрещает собственный закон и наша совесть, которая, по учению св. писания, есть истинный божественный закон,

написанный на плотяных скрижалях нашего сердца, то не следует ради кесарева повеления нарушать волю божью, иначе это будет порицаемое Богом человекоугодничество.

Признавая необходимость власти, молокане считают восстание против всяких властей, хотя бы и несправедливых, делом неправедным и проповедуют глухое терпение и упорство. Восстание и открытое сопротивление ведет за собою зло нашим ближним, а нужно избегать всего, что может произвести зло. Следует покоряться, говорят они, монархической власти. Но они не уважают всякие видимые знаки её святости, ни за что не признают монарха божьим помазанником, да и против самой монархической институции указывают на историю Саула. Бог устами Самуила сам отклонял израильтян от избрания себе царя, и пророк указывал народу на те стеснения и несправедливости, которые он терпеть будет, когда станут управлять им цари. Но тем не менее, когда уже царская власть признана народом, следует её признавать, и сопротивляться ей, исключая случаев веры, противно божественному закону и долгу совести. Надобно терпеть. Христос не велит противиться.

Молокане отвергают всякое различие сословий; по их учению, все люди равны между собою, все братья; не должно быть ни благородных, ни неблагородных; равным образом, всякие внешние знаки отличий, титулы, чины, по их мнению, суета и противны евангельскому учению. Война есть дело самое богопротивное: войска не должно быть, и потому кто убежит из войска, того не должно преследовать: он делает хорошо, избежав греха. При этом они ссылаются на одно место притч Соломоновых, превратно понимаемое: «На нем же аще месте воя соберут, не иди тамо, уклонися же от «их и измени» (Притч гл. 4). Место это, по смыслу предыдущего в притчах Соломоновых, относится исключительно к нечестивым (на пути нечестивых не иди, ст. 14), но сектанты, уже чисто по невежеству, применяют его вообще ко всякому войску. Укрывание дезертира есть по молоканскому понятию дело хорошее. Да не только дезертир, и всякий, убегающий от преследования законных властей, находит у молокан приют. Мы не знаем, говорят они, виноваты или правы беглецы; закон часто бывает несправедлив, и судьи судят ошибочно, а власти преданы суете, требуют часто противного божественному закону; от этого преследуемый может быть невинен и праведен: мы не судьи, разбирать не наше дело; кто у нас ищет спасения, мы тому и помогаем, помня слова св. писания: малого и старого между стенами твоими укрой. Да если бы он был и действительно виновен, если бы он был злодей, разве, убегая от наказания, он не может покаяться, а покаяние разве не изглаживает преступления? Сам Господь прощает кающихся; мы ли будем жестоки и станем их преследовать? На этом основании пристанодержательство — обыкновенное преступление в молоканском обществе. Есть еще другое преступление, которое считают распространенным между молоканами, это делание фальшивой монеты. По некоторым уголовным делам видно, что из этой секты бывали обвиненные в этом преступлении. В Самарской губернии село Тяглое-Озеро, населенное в значительной степени молоканами, было когда-то гнездом фальшивых монетчиков. Но сколько я ни расспрашивал об этом предмете у моих знакомых молокан, они не подали никакого повода заключить, чтоб в учении молоканском было что-нибудь такое, что бы оправдывало подобное преступление. Они уверяли, что если из их единоверцев были негодяи, которые пускались на такое дурное дело, то это делалось вовсе не вследствие их религии: в доказательство этому они указывают на то обстоятельство, что в уголовных делах такого рода и, между прочим, в сложном

тяглоозерском деле, преступниками оказывались не одни молокане, но и православные и последователи старообрядчества и всяких сект.

О происхождении учения молокан я слышал от них самих следующее: вера наша (говорили мне) пошла на Руси от Матвея Семеновича; он жил давно, назад тому лет триста, при царе Иване Грозном, и был замучен: его живого сожгли. От многих гонений вера наша после того умалилась и ослабела, а тому назад лет пятьдесят или поболее подкрепил ее и подновил Семей Уклеин. Впрочем, прибавляют они, с тех пор как христианство стоит на земле, все истинные поклонники Божества так верили и до конца мира будут верить, как мы. Упоминаемый ими Матвей Семенович должен быть, по-видимому, не иной кто, как Башкин, осужденный в 1555 году в Москве. (О нем мы уже говорили («Великорусские религиозные вольнодумцы в XVI веке»).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Оптическое распознавание текста и правка сделаны Владимиром Кулюкиным по изданию: Николай Костомаров, «Раскол. Исторические монографии и исследования», издательство «Чарли», Москва, 1994.
2. Костомаров, Николай Иванович (1817-1885), русский историк, этнограф, писатель.